

К Р О К О Д И Л

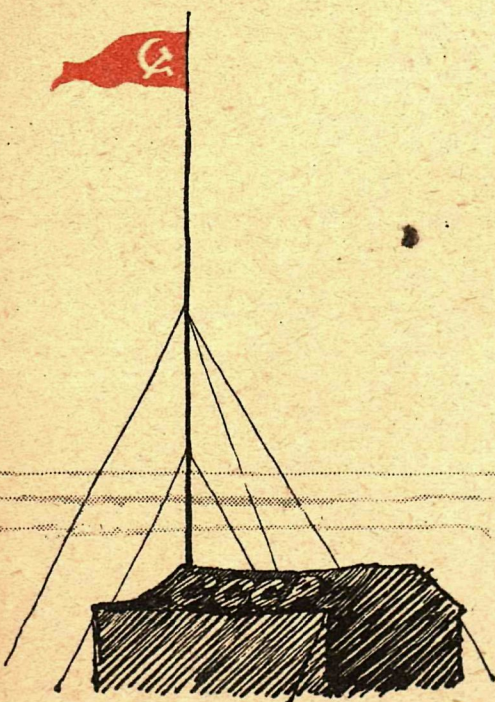
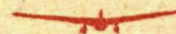
№ 16 ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

к 556

16

И полюс взят. И меж материков
Живая связь — предел мечтаний многих...
И новые проложены дороги
Над миром волею большевиков!

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

— К вам посетитель, Петр Иванович, — сказал секретарь.

— Просите, — уныло пробурчал директор, не желавший слыть бюрократом. — Раз пришел, пусть заходит...

В кабинет вошел солидный, толстый мужчина, неспеша приблизился к столу, грузно сел в кресло и, не дожидаясь разрешения, закурил.

— Чем могу служить? — спросил его недоумевающий Петр Иванович.

— Посмотрите-ка на меня, товарищ Колобков, — предложил посетитель.

Петр Иванович посмотрел.

— Н-не понимаю... — сказал он.

— Петя, так ты не узнаешь меня? — вскричал незнакомец.

— С одной стороны, как будто что-то знакомое, а с другой...

— Я Иванов Геннадий.

— А-а-а! — завопил Петр Иванович. — Иванов Геннадий, из 3-й гимназии! Да мы же с вами... с тобой... на одной парте сидели!.. Да как же ты изменился!.. Да как же ты разжирел! Сколько лет мы с тобой не видались: 20 или 25?

Старые знакомые трясали друг другу руки, хлопали по плечу и шумели так, словно строили вавилонскую башню. Наконец, отдышавшись и успокоившись, они сели друг против друга и почти разом спросили:

— Ну как?

— Да ничего, — ответил Колобков. — Вот директорствую.

— Ну вот, — сказал Иванов Геннадий, — а я приехал в Москву.

— А как обо мне узнал?

— Из газет, батенька, из газет... Ведь Колобков у нас — знаменитость.

— Откуда ты? — заинтересовался польщенный Колобков.

— «Из дальних странствий воротясь, какой-то дворянин, а может быть, и князь...» — продекламировал Иванов Геннадий.

— Ну да, — хихикнул Колобков. — А где, слушай, Плотников? Ты ничего не слыхал о нем? А Песнопевцев, Зимин, Болгарский, Брайер, Винокуров? Я даже, видишь, по алфавиту помню...

— Всех растерял, — басил Иванов Геннадий.

— И я тоже, — подтвердил Колобков. — Вот, брат, какая она, жизнь... Занятно все-таки так встретиться...

Прятели снова принялись хлопать друг друга по плечу. Потом Колобков спросил:

— А помнишь ты Люсю Попову?

— Люсю... Люсю. Как же, конечно, помню! Ты еще за ней волочился, мошеник, — вскричал Иванов Геннадий и в свою очередь спросил:

— А учителей наших: Козла, Ложноножку, Циклисту, Спиритуса — помнишь?

— Всех помню, всех...

Друзья проболтали добрый час, потом, когда обветшавшие гимназические темы были все исчерпаны, разговор разом угас и наступила длительная пауза... Больше говорить было не о чем. Перед Колобковым сидел толстый, грузный, малозна-

комый мужчина и тянул что-то неопределенное:

— Так-то, брат... Вот оно что... Вот какая жизнь... Сколько лет, сколько зим...

Тем не менее Колобков чувствовал себя размягченным. Далекие, забытые образы юности вставали перед ним.

— Я ведь к тебе, Колобков, по делу, — сказал Иванов Геннадий после новой паузы, совершенно невыносимой.

— Рад буду, — оживился директор.

— Помоги мне на работу устроиться... Я, знаешь, бухгалтер, немалый «спец» своего дела и вот хочу жить в Москве. Культура, знаешь, МХАТ...

— Помочь? Отчего не помочь, — ответил Колобков.

Он тут же позвонил в трест «Мосмаркизет» и сказал солидным баритоном:

— Степа? Здравствуй, Степа. Тебе, все еще нужен главный бухгалтер? Есть у меня один на примете... Хороший человек... Да, знаю, дай бог память, тридцать лет!.. Верно, не удивляйся, тридцать лет!.. Ну, спасибо... Он через час у тебя будет.

Иванов Геннадий пожал руку Колобкову, хлопнул еще раз его по плечу, сделал даже попытку поцеловать, но потом махнул рукой и воскликнул:

— Хороший ты малый, Колобков...

— Ты заходи, — напутствовал его директор, — обязательно заходи.

— Зайду, — отвечал Иванов Геннадий, — твой гость.

И вот однажды позвонил к нашему директору сам Степан Семенович Дряблов из «Мосмаркизета» и сказал по телефону только одно слово:

— Спасибо...

— За что? — удивился Колобков.

— Ты мне бухгалтера присылал?..

— Присылал.

— Ну вот и спасибо. Хороший оказался человек.

— Я так и думал... Еще бы: тридцать лет знаю!..

— Убожество! — завопил Степан Семенович. — Да он у меня тридцать тысяч украд и скрылся в неизвестном направлении... Эх, ты, старая пепельница!

Н. КРЭН

ВОЛЬДЕМАРЫ ФОМИЧИ

Все это, конечно, ужасно неприятно. И смеяться тут совершенно не над чем. Тут, наоборот, скорее плакать надо. Вот представьте себе такую историю или «кви про кво», как выражались древние римляне. Живет-поживает какой-нибудь ответственный работник, кушает, спит, занимается текущими делами. И вдруг что-то словно подкидывает его на стуле. И он вызывает к себе секретаря.

— Знаете, голубчик, — говорит он тепло и задушевно. — Я что-то совсем запарился с текущими делами. Я чего-то, прямо сказать, непонимаю. Заглянул случайно в газету, а там на целых полстраницы обсуждение плана третьей пятилетки. Третьей — понимаете? Я так думаю, не опечатка ли?

— Осмелюсь доложить, Вольдемар Фомич, — почтительно говорит секретарь. — Не опечатка, Вольдемар Фомич.

И тут наш ответственный работник удивляется, как Христофор Колумб, только что открывший Америку. И скликает к себе все свои наличные кадры, за исключением находящихся в отпуску. Он встает в позу и произносит большую зажигательную речь. Дескать, третья пятилетка уже мощно стучится в дверь подведомственного ему учреждения. Дескать, нужно немедленно, срочно подготовить подробные и обстоятельные материалы для составления третьего пятилетнего плана. Сейчас! Сию минуту! До конца обеденного перерыва!

Жаль, право, что мы не можем тут же отмежеваться от нарисованной нами прискорбной картины. Прямо обидно, что нельзя выйти и публично заявить:

— Простите, граждане! Преувеличено. Сгущены, мол, краски.

Но ничего мы тут не преувеличили. И насчет красок можете сами судить. Недавно старший экономист треста Трансторгпнт в Ашхабаде Пушкин дал задание экономисту Кокшарову — составить план на третью пятилетку по группе общественного питания. Реальное время, которое было дано на эту работу, составляло... полтора часа.

— Позвольте! — захрипел экономист Кокшаров. — Ведь только с потолка можно взять цифры для такой работы в такой срок!

— Ну-ну, — сказал Пушкин строго подымая палец. — Давайте не будем.

7 мая вспомнил о приближении третьей пятилетки и директор Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной промышленности академик А. Бондаренко. В этот день он послал Винницкой опытной сельскохозяйственной станции телеграмму, которая начиналась с бодрой директивы:

«Спешной почтой не позже 11 мая шлите материалы третьей пятилетки тчк».

И к непосредственным исполнителям этого приказа телеграмма попала в 7 часов вечера... 11 мая.

...Через несколько дней, встретившись где-нибудь за чашкой чая, Вольдемары Фомичи с томным видом жалуются друг другу:

— Ах-ах! Это просто ужас, как неисполнительны наши учрежденческие исполнители!

— Да, да, именно ужас, это вы очень тонко подметили: поручаешь им такое ответственное срочное дело...

— Вот именно, срочное. А как они выполняют его?!

— Да вот и я говорю: как выполняют. Какая-то неповоротливость, несерьезность. Цифровой материал легковесен, обоснования не продуманы...

— И добро бы еще в какой-нибудь текущей, рядовой работе. А ведь, жалеться, материалы к третьей пятилетке составляются не каждый год!

М. ЛЬВОВ

„ЛОМИНКИ“

Рис. Кукрыниксы

Не спрятать в воду грязную концов!
Уж так фашистский организм устроен,
Что на собачью смерть шпионов-подлецов
Он откликается собачьим воем.
И этот плач, и визг, и вой,
Как и всегда, их выдал с головой.

НЕИНТЕРЕСНАЯ ЭСТРАДА

Тетка, вообще глупая, как вяленая вобла, в некоторых вопросах разбиралась изумительно.

За обедом она сказала:

— У нас в ЭСЭСЭР, слава богу, свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды. Завтра воскресенье, поэтому я веду Димочку к обеду.

— Выгонию из дому! — заревел отец и стукнул кулаком по столу, а мать, более мягкая, как женщина, да к тому же еще и педагог, сказала со слезой в голосе:

— Тетя, я вас умоляю, не калечьте ребенка.

Димкиного мнения узнать не поинтересовались. И на утро, дождавшись, когда родители ушли на работу, настойчивая тетка повела его вместо детского сада в церковь.

В церковном дворе не было решительно ничего интересного и вдобавок на заборе сохли какие-то тряпки. Поднявшись по корявым ступенькам, они вошли в дверь и встали за спинами других людей.

По всей вероятности, действие уже началось. Где-то впереди пел хор, а между пением выступал, наверное, куплетист и скороговоркой рассказывал что-то в нос.

— Ничего не выдать! — завопил Димка. — Тетя, попроси их сесть, что за безобразие: стоят, все как есть загораживают. И пойдем скорее на наши места. Где наши места?

— В церкви все места общие, — торжественно прошептала тетка. — Тут, Димочка, бесплатно. А сидеть нельзя, господь этого не допустит. Пробирайся полегонечку, — и она стала проталкивать Димку вперед.

Он совался лицом в чужие жесткие юбки, пахнущие пронафталиненным сундуком, пылью и жженым луком. Несколько раз его толкнули в спину, а кто-то даже дернул за ухо.

Наконец, они вылезли вперед. Эстрада была маленькая, низенькая, из окошка на нее падал солнечный луч, и в нем вертелось столько пыли и дыму, что сквозь них ничего нельзя было разглядеть.

«Видала бы это Софья Борисовна, — вспомнил Димка о враче из детского сада, — она бы им показала, как грязь разводить!».

Сбоку пел хор, а в дверях стоял нето настоящий, нето заgrimированный старичком, точка в точку похожий на швейцара из большого Мосторга. На нем был золотой шушун, и он что-то часто-часто говорил себе под нос.

Как-то к ним в детский сад тоже приезжал один, можно сказать, старичок, уж, наверное, лет сорока или тридцати, и без всякого шушуна, а так читал Мойдодыра, что ребята прямо обхохотались. А у этого ничего не разберешь.

Димка топнул ногой по каменному полу и крикнул:

— Громче, пожалуйста, не слышать ничего!

Со всех сторон зашипели, тетка впи-лась пальцами ему в плечо, а старичок как ни в чем не бывало продолжал бубнить неразбериху.

— Что это в самом деле такое? — рассердился Димка. — Скоро он кончит или не скоро? Тетя, вели ему в конце концов хоть Кукарачу!

— Порченный он у вас, что ли? — шопотом обратилась к тетке старушка.

Тетка утвердительно кивнула головой: — Порченный, причащать привела.

А старичок в шушуне все ходил из двери в дверь и, хотя ему решительно никто не аплодировал и не вызывал на бис, все кланялся и повторял одно и то же.

За ним сейчас же подхватывал хор и тянул долго, непонятно, а главное, без толку, потому что, все равно, никто не слушал: люди шептались, ходили из угла в угол, а некоторые потихоньку ссорились.

Наконец, старичок вышел на эстраду с чашкой в руках. Его окружили старушки. Одни несли ребят, а другие сами, как маленькие, лезли вперед. Старичок поочередно давал им на ложечке пробовать что-то из чашки.

Тетка сделала очень глупое лицо, почему-то гораздо глупее чем дома, и подвела Димку.

— Имя? — сказал старичок, глядя поверх димкиной головы вялыми глазами.

Тетка чуть не высочила с подсказываньем, но Димка вовремя успел сам:

— Меня зовут Дима Васильев.

Старичок нахмурился.

— Это как же понимать? Владимир, что ли?

Он зачерпнул ложкой в чашке и поднес ее к димкиному рту.

— Пожалуйста, — сказал Димка очень вежливо, — дайте мне другую ложечку. Софья Борисовна не велит нам есть чужой ложкой.

Старичок ничего не ответил и продолжал держать перед Димкой ложку.

— Дайте же мне другую, чистую ложку, пожалуйста, — погромче сказал Димка.

— Открой сейчас же рот, скверный мальчишка, и глотай, — прошипела в димкино ухо тетка и потянула его за подбородок.

Димка сжал зубы и, придерживая губы пальцем, прошепелявил:

— Шама глотай, коли охота, а я жаражаца не намерен.

Старичок сердито опустил ложку в чашку, а тетка, совсем багровая, вытащила Димку из церкви.

За вечерним чаем Димка сказал:

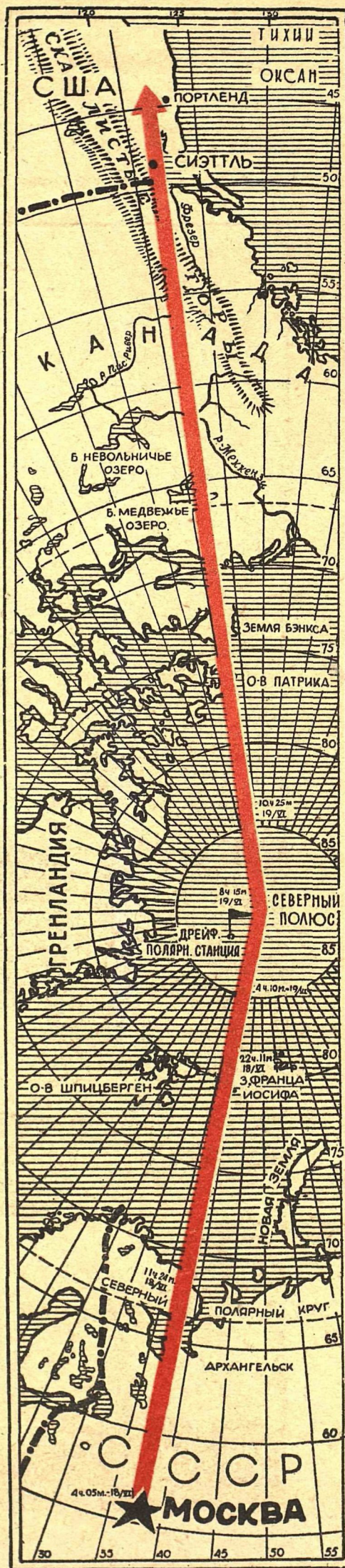
— А я сегодня в церкви был.

Родители переглянулись. Отец двинул по столу кулаком, а мать сказала с истерической ноткой в голосе:

— Димочка, мальчик, ты не верь! Никакого бога нигде нет!

— А я и не искал, — скучно зевнул Димка. — Халтура там какая-то. Конечно, тетке и то хлеб: она жадная, а в церкви бесплатно. Небось, назначили бы билеты, как в кино, рублика по три, она бы и не пошла. Очень нужно!

В.КАРБОВСКАЯ

Характерная черта советского героизма

Рис. Л. Бродаты по картине Франца Штука

На пути в комитет невмешательства

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Очень интересный факт рассказал мне знакомый работник уголовного розыска.

Не так давно сгорел один деревянный двухэтажный дом.

Конечно, в смысле жилищном этот дом был, как говорится, унеси ты мое горе: он весь был кривой, косою и еле стоял под тяжестью семидесяти жильцов с ихней утварью и домашними боеприпасами.

Но, поскольку жильцы пострадали, то, конечно, до некоторой степени жалко, что он сгорел. Тем более был поджог. Это было кошмарное преступление, совершенное по неизвестным и даже отчасти загадочным причинам.

В подвале дома пожарные нашли бак из-под керосина и обгоревшее тряпье.

И брандмейстер сказал:

— Я тридцать лет тушу пожары и клянусь своей бородой, что тут поджог.

Здесьшний управдом, слегка угоревший во время спасания жактовского имущества и домовых книг, говорит:

— Может быть, это и так, но, откровенно сказать, я не вижу смысла этого поджога. У меня семьдесят жильцов. И никто из них не имел застрахованного имущества. Только один жилец имел застрахованную жизнь, и то он у меня в прошлом году своевременно умер. А этот пожар всем моим жильцам причинил убытки. Все ихние монетки сгорели. Все они пострадали. Некоторые из них, как видите, лежат без чувств. Другие плачут. Третьи роются в бревнах, чтоб что-нибудь найти. Мои жильцы не могли поджечь дом. Это слишком очевидно. Это абсурд.

Брандмейстер говорит:

— Я сам удивляюсь, кому был интерес дом поджигать. Но вот посмотрите на обгоревший бак: может быть, он что-нибудь скажет уголовному розыску.

Вдруг один подросток, увидевши этот бак, говорит:

— По-моему, этот бак вчера нес один квартирант, живущий в третьем номере, у Филатовых. И, по-моему, он нес его в подвал.

Управдом говорит:

— У Филатовых гостит ихний дядя, некто Баранов. Но был бы абсурд думать, что это он дом поджег. Он тут имущества не имеет. И сам теперь лишился гостеприимного крова. Вдобавок он престарелый. И надо иметь мозги набекрень, чтобы на него подумать.

Следователь говорит:

— Тогда приведите этого Баранова.

Вот приходит мужчина лет шестидесяти.

Он говорит:

— Что вы очумели—меня хватать! Какой интерес мне дом поджигать? Я приехал сюда погостить к своим родственникам. И я им очень благодарен за гостеприимство. Что я дурак, что я им за это пожар устрою?

Управдом говорит:

— Это чистейший абсурд—на него думать.

Следователь уголовного розыска говорит:

— Меня не так факт удивляет, как удивляет здесьшний управдом: или он сильно угорел, или он в политическом отношении тупица. Теория мне подсказывает, что, кроме материальных интересов, бывает, например, классовая месть или что-нибудь вроде этого.

Услышав эти слова, дядя Филатовых побледнел и перестал отвечать на все вопросы.

Его что-нибудь спрашивают, а он в ответ мычит и заговаривается.

Управдом говорит:

— Вот видите, вы своими действиями запугали мне временного жильца до того, что он свихнулся и теперь на все мычит.

Следователь говорит:

— Или он свихнулся, или он прикидывается свихнувшимся. Бывает, что некоторые прикидываются сумасшедшими, чтобы отвести от себя подозрения. А если это так, то это тем более говорит за то, что тут дело нечисто и, может быть, оно носит политическую окраску.

Вдруг дядя Филатовых, молчавший до сих пор, говорит:

— Я вижу, что мне тут все-таки хотят пристегнуть 58-ю статью. Но этот номер не пройдет. И совершенное преступле-

ние не носит политической окраски, имейте это в виду. Оно имеет другие цели.

Видя, что дядя признается в преступлении, Филатовы попадали в обморок. А все жильцы бросились к злодею и прямо хотели его растерзать.

Но тут следователь совместно с милиционером пихнул преступника в машину и увез его.

Подлый старик по дороге сказал:

— Я бы ни в каком случае не признался, но вы меня поймали на понт. И мне теперь ничего не остается, как рассказать все, что было.

И тут он стал рассказывать кое-что из прошлого.

Он был, оказывается, родственник бывшего хозяина этого дома. И когда сорок лет назад строили этот дом, то он лично присутствовал на закладке этого фундамента. А в то время была традиция—класть на счастье в фундамент золото и серебро. Все присутствовавшие родственники и друзья бросали деньги, кто сколько мог. После чего отверстие закладывалось кирпичами и замазывалось.

Рассказывая об этом, преступник, вздохнувши, сказал:

— Сам хозяин бросил в фундамент пару золотых, а я, будучи в свое время состоятельным человеком, бросил, как сейчас помню, один золотой десятирублевик и два серебряных рубля. Вдобавок я был немножко навеселе и стоял рядом со своей невестой. Она мне сказала: «Вам слабо бросить туда еще что-нибудь из ценностей». И я, как сейчас помню, бросил туда еще колечко 56-й пробы. И сам сказал своей невесте: «А вам слабо бросить свой медальон». Не помню сейчас, что именно она бросила, но что-то она бросила, хотя, кажется, не медальон... И вот я двадцать лет мечтал все это достать. Но я был выслан на десять лет за экономическую контрреволюцию. И вот недавно вернулся и захотел осуществить свои надежды. Я, говорив, в третий раз гошу у Филатовых, все дни проводил в подвале, стараясь это достать, но безрезультатно, поскольку дом и без того кривой, а когда я подрыл фундамент, то он и вовсе мог завалиться. И тогда я решил пойти на то, что сделал.

Злодея посадили пока что в тюрьму, и над этим представителем старого мира будет устроен показательный суд.

На месте пожарища уже начали строить новый дом, и, наверно, в скором времени погорельцы смогут уже туда в'ехать.

Что касается злодея, то он в'едет куда-нибудь в другое место, если его не пошлют путешествовать на небо.

Вдобавок остается сказать, что когда разрыли фундамент, то никаких ценностей там не нашли.

Тут одно из двух: либо старик наврал, что вряд ли, либо эти ценности были вынуты вскоре после закладки фундамента. И, может быть, к этому приложил руку сам хозяин. А может быть, и кто-нибудь другой, решивший, что не следует потакать таким традициям.

Так или иначе, дом счастья не имел и сгорел, как стог сена.

МИХ. ЗОЦЕНКО

И ПУСТЬ У ГРОВОГО ВХОДА...

На окрестных могилках сидят зрители: постного вида старушка, бродячий служитель культа в засаленном подряснике и вездесущие мальчишки с веснушчатыми носами и изодранными коленками.

Они с интересом наблюдают физкультурные занятия студентов воронежского маслосебяно-маргаринового техникума. Занятия происходят здесь же, на городском кладбище.

Инструктор Запольский стоит на склепе именитого купца, прислонясь к мраморному ангелу с отбитым носом, вот уже шестьдесят пять лет подряд оплакивающему прах первогильдейского «супруга и отца», и бодро покрикивает:

— Руки в стороны! Так! Начинаем приседания... Криворучко, не держитесь за крест!.. Городниченко, что вы, ей-богу, как мертвый приседаете!

Старушка испуганно крестится. Студенты покорно приседают, косясь на кресты и памятники. Они ведь невиноваты, что дирекция техникума и воронежский горсовет не дали им спортивной площадки и вынудили на физкультурное освоение кладбища.

— Больше жизни!—надрывается инструктор Запольский.— И раз и два! Руки в стороны!..

Когда из-за облаков выходит солнце и озаряет старое, выдавшее виды кладбище, кажется, что первогильдейский ангел с отбитым носом не плачет, а смеется.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

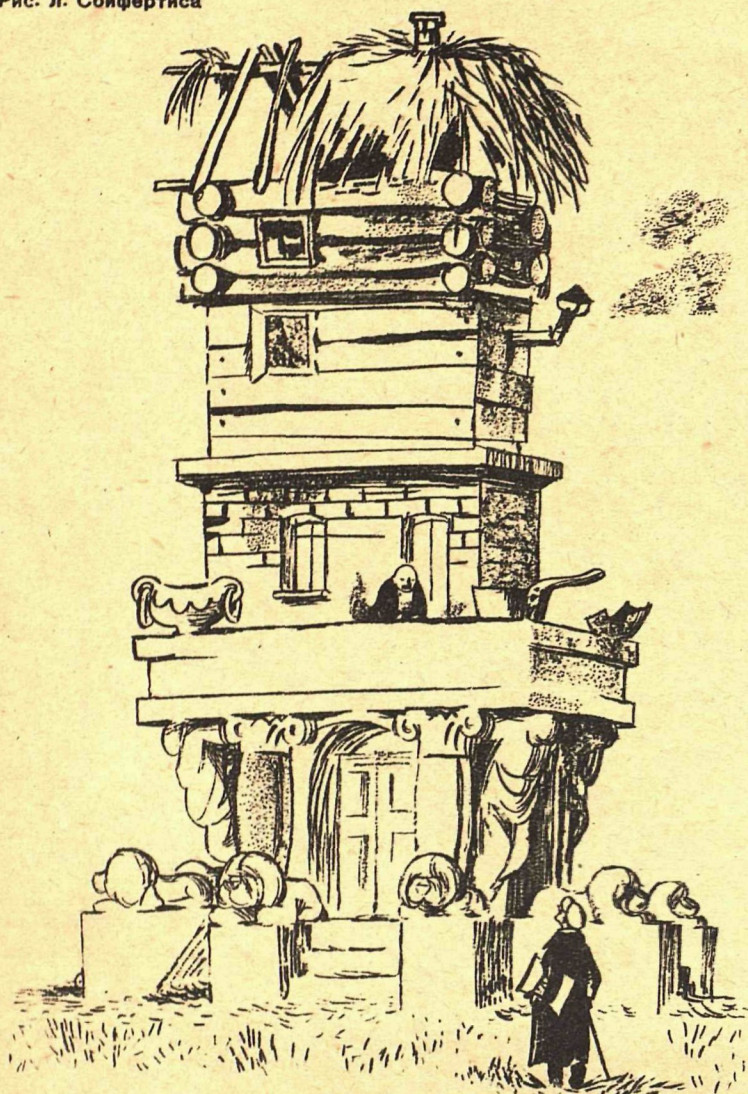
Рис. М. Черных

— Что ж это — ты коммунист, а сын твой — пионер — в церковь ходит?
— При чем тут я? Ведь в церковь-то он ходит с бабушкой, а она беспартийная.

В ОБЩЕМ УЛОЖИЛИСЬ В СМЕТУ

Рис. Л. Сойфертиса

— Что это у вас дом такой странный?
— Перерасходовались на первом этаже... Ну вот на остальных постепенно и сокращались!

ПОТАПОВ И ДРУГИЕ

Утром стало известно, что сегодня же состоится первая встреча пионеров шестого класса с новым вожатым, которого зовут Коля Потапов.

— Ну, как он, подходящий? — спрашивали ребята всезнающего Борю Глузмана.

— Парень — как парень, — отвечал Боря. — Мне нравится. Симпатичный и политически крепкий.

Пионерам шестого класса Коля Потапов понравился.

Без проволочек новый вожатый приступил к беседе.

— Давайте, ребята, — сказал он неокрепшим баском, — поговорим о славном завоевании Северного полюса нашими героями-летчиками. Возражений нет?

Пионеры шестого класса одобрили предложение вожатого.

Коля Потапов вынул из кармана вчерашний номер газеты с отчеркнутой синим карандашом передовой статьей и громко, с выражением прочитал передовицу.

Читал он плохо, спотыкаясь на трудных словах и делая паузы не там, где на этом настаивали знаки препинания, а руководствуясь лишь своими глубоко интимными, одному ему понятными соображениями.

Закончив чтение, Коля Потапов аккуратно сложил газету, обвел испытующим взглядом непроницаемые лица пионеров шестого класса и сказал:

— Вопросы имеются?

Сейчас же поднялся Петя Шушков, рыженький мальчик в очках («Язва!» — подумал про него Коля Потапов), и спросил:

— Скажи, пожалуйста, что такое полюс?

— Будто не знаешь? — подозрительно прищурился Коля Потапов.

— Забыл, честное пионерское!

— Полюс — это... ну как бы тебе объяснить: это когда дальше ехать некуда. Одним словом, макушка земли, понимаешь?

— Нет, — честно сказал Петя Шушков.

— Что ж тут непонятного? Где у тебя макушка? Ну вот и полюс там же — Северный.

— Дай мне слово, — обратился к Коле Потапову Боря Глузман.

— Ребята, — укоризненно заявил всезнающий Боря, — вы должны знать, что полюс — это точка пересечения земной оси с поверхностью земли. Стыдно задавать такие вопросы, ребята. Наш новый вожатый может подумать, что мы совсем отстали по географии.

Коля Потапов обласкал своего спасителя благодарным взглядом и заметил:

— В самом деле, ребята, давайте без этого, без делячества. Спрашивайте по существу.

— У меня по существу, — раздался голос Зины Темкиной. — Товарищ Коля, почему Северный полюс называют кухней погоды?

— Значит, он и есть кухня. Даром не назовут.

— А где раньше летал Мазурук?

— В воздухе летал. Где ж ему еще летать? — пожал плечами Коля Потапов.

— Она хочет знать, на каких трассах он летал, — ехидно пояснил зинин вопрос рыженький Петя Шушков.

— На каких трассах? На разных трассах он летал. На какую пошлют, на ту и летит. У них, у летчиков, насчет дисциплины строго. Вот и вы, ребята, должны...

— А на какой же все-таки трассе летал Мазурук? — сказала настойчивая Зина Темкина.

— Ребята, это же — тоже вроде деляческий вопрос. В конце концов неважно, где он летал. Важно, что он хорошо летал и на разных трассах. Нынче здесь, завтра там. Знаете, как в песне. Может, споем, ребята, а?

Пионеры шестого класса хмуро молчали.

Тогда со своей парты опять поднялся добрый Боря Глузман.

— Ребята, — сказал он, — вы же прекрасно знаете, что Мазурук работал на Дальнем Востоке. Он к Чкалову прилетал на остров Удд. А до этого он летал в Средней Азии и воевал с басмачами. Вы задаете такие вопросы, что наш новый вожатый может подумать, будто мы не читаем газет.

— Вот именно! — сказал Коля Потапов и густо покраснел.

Беседа о завоевании полюса явно не клеилась. Видя это, Коля Потапов решил на крайнее средство.

— Давайте, ребята, в самом деле споем, — сказал он, и не ожидая ответа, затянул, фальшивя:

— По долинам, по загорьям...

Пионеры подхватили припев, и песня состоялась.

...Провожать Колю Потапова домой пошел Боря Глузман. Молча они прошагали два квартала, а потом Боря деликатно взял своего вожатого за локоть и сказал тоном заговорщика:

— Запиши, что тебе нужно к следующему разу прочитать. Темой опять возьми завоевание полюса, чтобы ты мог поправиться. Ты, значит, прочти...

Список пособий, рекомендованных всезнающим Борей, был длинный, и Коля Потапов два раза сломал карандаш, прежде чем записал в свой блокнотик названия и авторов.

— И газеты подчитай как следует, — посоветовал на прощание Боря Глузман, глядя на высоченного Колю снизу вверх. — Ничего, не робей, справишься как-нибудь. Я ребятам скажу, чтобы тебе полегче вопросы задавали. Уж больно ты парень хороший!

Дня через два Колю Потапова встретил на заводском дворе секретарь комсомольского комитета и спросил его:

— Ну как, Потапов, дела у тебя в отряде?

— Дела идут, контора пишет, — бодро ответил Коля. — Только задают много, черти. Вчера полночи читал, учил про кухню погоды...

Секретарь, недоумевающий, посмотрел на Колю, но так как ему было очень некогда, он рысцой побежал дальше, не пытаясь выяснить причину своего недоумения.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

О вытупске "Займа укрепления обороны СССР"

Идя навстречу многочисленным городам и колхозной
поселенцам трудящихся Комиссаров СССР поручил
деревни, Совет Народных Представителей в крайний срок
на утверждение правительства "Займа укрепления
закона о вытупске" Союза ССР"

масс.

Рис. Л. Бродаты

ХЛЕБОСОЛЬСТВО

При входе в зал работников конторы «Облзапонка» встретил сам распорядитель ресторана. Почтительно, обеими руками пожав руку начальника конторы Сапникова, распорядитель с ласковой укоризною произнес:

— Забываете нас, Семьдесят Восемьдесят, совсем забываете!

Словами «Семьдесят Восемьдесят» распорядитель по лакейской привычке заменил неизвестное ему имя, отчество Сапникова. Ловко вставленные в обращение эти два числительных воспринимались наслух как имя-отчество — и притом любое имя-отчество.

Сапников подмены своего имени не заметил и, довольный оказанным почетом, громко прокричал:

— Дела, голубчик, дела не пускают!.. А чем нынче будешь угощать?

— Чем прикажете, Семьдесят Восемьдесят, тем и накормим. Осетринка сегодня свежая, балычок есть...

— Ну смотри! — бушевал Сапников, — мы сегодня угощаем товарища из центра. Должны мы ему показать, какое у нас в городе хлебосольство?! То-то!

Догадливые официанты уже сдвигали столы, и сотрудники конторы «Облзапонка» рассаживались сообразно занимаемым должностям.

Сапников, усадив подле себя несколько растерянного работника из центра, продолжал заказ:

— Салатец ты нам сооруди поострее...

— Слушаюсь. Салат «паризьен» дадим, Семьдесят Восемьдесят, и потом салат «весна бриян».

— Нет, голубчик, пускай твой «паризьен» медведь ест! Ты нам крабов подавай! На 95% крабов чтобы, а остальное — овощ!

— Слушаюсь, Семьдесят Восемьдесят, а икорки прикажете?

Скромный техник в дальнем углу стола захотел проявить свой опыт в ресторанных делах. Понатужившись, он прохрипел не своим голосом:

— Хорошо бы сейчас красной икры!

— Нет, зачем же красной, — поморщился Сапников, — это просто негостеприимно. Икры — так уж надо черной. И не вздумай там подсовывать паюс. Зернистой неси!

— Слушаюсь!

— Ну, то-то. Потом подашь водки. Напареули есть?

— Как не быть!

— Отлично. А под конец можно шипучего...

Трижды возобновляли услужающие запасы закусок на столе. Пустые бутылки и графины с неизъяснимою быстротою превращались в наполненные.

И тут распорядитель улучил момент шепнуть Сапникову:

— Счетик, как всегда, Семьдесят Восемьдесят, отправим в контору, вам-с?

Икнув, Сапников мягко ответил:

— Ну, конечно, дурашка. Прямо в бухгалтерию...

Сидевший рядом с Сапниковым главный бухгалтер конторы Колесниченко энергично перебил:

— Нет, насчет бухгалтерии вы оставьте!

— Ты о чем, Вася? — удивился Сапников.

— Да разве ты не знаешь? — зашептал бухгалтер. — Относить на счет учреждения банкеты запрещено.

— Мало ли что запрещено, — опять икнув, отозвался Сапников и добавил распорядителю: — Ступай, голубчик, распорядись насчет рябчиков...

— Нет, постойте. Я платить не буду!

Бухгалтер говорил шопотом, но крайне твердо.

Сапников поерошил волосом, сделал судорожную улыбку в сторону товарища из центра и прошипел бухгалтеру.

— Хорошо... Но кто будет платить за все за это?

— Кто ел, тот и будет платить... Вот я первый...

Бухгалтер извлек из кармана потертый кошелек с металлической пастью, нажал на запирающие пасть шарики. В открывшемся кошельке обнаружилась трешница, квитанция в приеме заказного отправления и немного разменной монеты.

— Дурак, — зашипел Сапников, — лезет со своей трешницей... Тут уже с'ели на четыреста рублей да заказано на столько же...

— Будем вычитать из зарплаты, — грустно сказал бухгалтер.

Сапников оглядел пирующих решительным и даже злым взглядом.

— Ты чего, Лапин? — спросил он у сотрудника, о чем-то шушукавшегося с официантом.

— Напареули, понимаете ли, все, — лихим голосом объяснил сотрудник. — Велю ему подкинуть еще бутылку — дружую...

Сапников, наливаясь кровью, закричал:

— Ты-то кто здесь такой, чтобы заказывать?!

— Я же не для себя, — испуганно сказал сотрудник, — я для гостя... Хлебосольство, так сказать...

— Хлебосольством у себя дома занимайся!.. Гаешников, положи рака обратно! У самого на тарелке рачья скорлупа не умещается, столько с'ел, — а нет, еще тянется... Распорядитель, раки у вас поштучно идут?

— Поштучно.

— Ну так убирайте раков, чего смотрите! Сколько осталось — спишите со счета... Да! Распорядитель! Рябчиков не надо! Отменяю.

— Виноват. Семьдесят Восемьдесят, рябчики уже в плите...

— Ну и что же? Вынете и того... на салаты пустите...

— Никак невозможно. Товар считается проданный.

— Как это проданный, когда мы не желаем кушать? Жалобная книга у вас есть? Дайте сюда книгу!.. Эй, вы там! Не начинайте, не начинайте новую бутылку... Ну да, вам говорю!..

Бухгалтер Колесниченко, который, выйдя из-за стола, о чем-то поговорил с председателем месткома, наклонился к самому уху Сапникова.

— Как будто устраивается, — зашептал он, — устраивается с оплатой счета. Сейчас установил договоренность с председателем Потоповым: всю сумму отнесем на культмероприятия месткома. У них по смете осталось что-то около тысячки...

Сапников глубоко вздохнул и расплылся в улыбке:

— Давно бы так!.. А то пугаешь только... Что ж вы, братцы, приуныли?.. Покажем московскому гостю, какое-такое у нас гостеприимство?.. И тебе, Лапин, не стыдно? Видишь, что у гостя нет вина, а сам и не думаешь спросить бутылку — другую...

— Виноват, товарищ Сапников, сейчас закажу...

— То-то виноват... Гражданин метр д'отель, а гражданин метр д'отель, где же ваши пресловутые рябчики? Что? Зачем мне ваша жалобная книга? Мне рябчики нужны, а не пресловутая жалобная книга...

— Виноват, Семьдесят Восемьдесят, сейчас несем-с...

Пир возобновился с неслыханным оживлением. Рябчики буквально таяли, не оставляя даже костей. И вдруг бухгалтер Колесниченко, издав странного тембра звук, широко раскрыл рот.

— Подавился, дурашка? — ласково осведомился Сапников. — Ну, запей шампанским. Налейте главбуху Абрау-Дюрсо!

Колесниченко отрицательно покачал головой. Он привстал, наклонился к Сапникову и с присвистом (от желания говорить тихо) сказал:

— Только что вспомнил: у месткома на культмероприятия ничего не осталось. На эту тысячу купили гамаки и бильярд. И провели уже по отчетности.

Сапников со скрипом отодвинул стул.

— Распорядитель! Счет! — закричал он. — Больше ничего никому не подавать... Вы куда это?

Московский гость обернулся на окрик и смущенно сообщил:

— Я это... сейчас вернусь...

— То-то! А то как счет подают, так их нету. На хлебосольство рассчитывают, изволите ли видеть. А кто за это хлебосольство будет платить?.. Также и вы, уважаемые граждане, каждый платит свою часть счета! И будьте любезны — денежки на стол!..

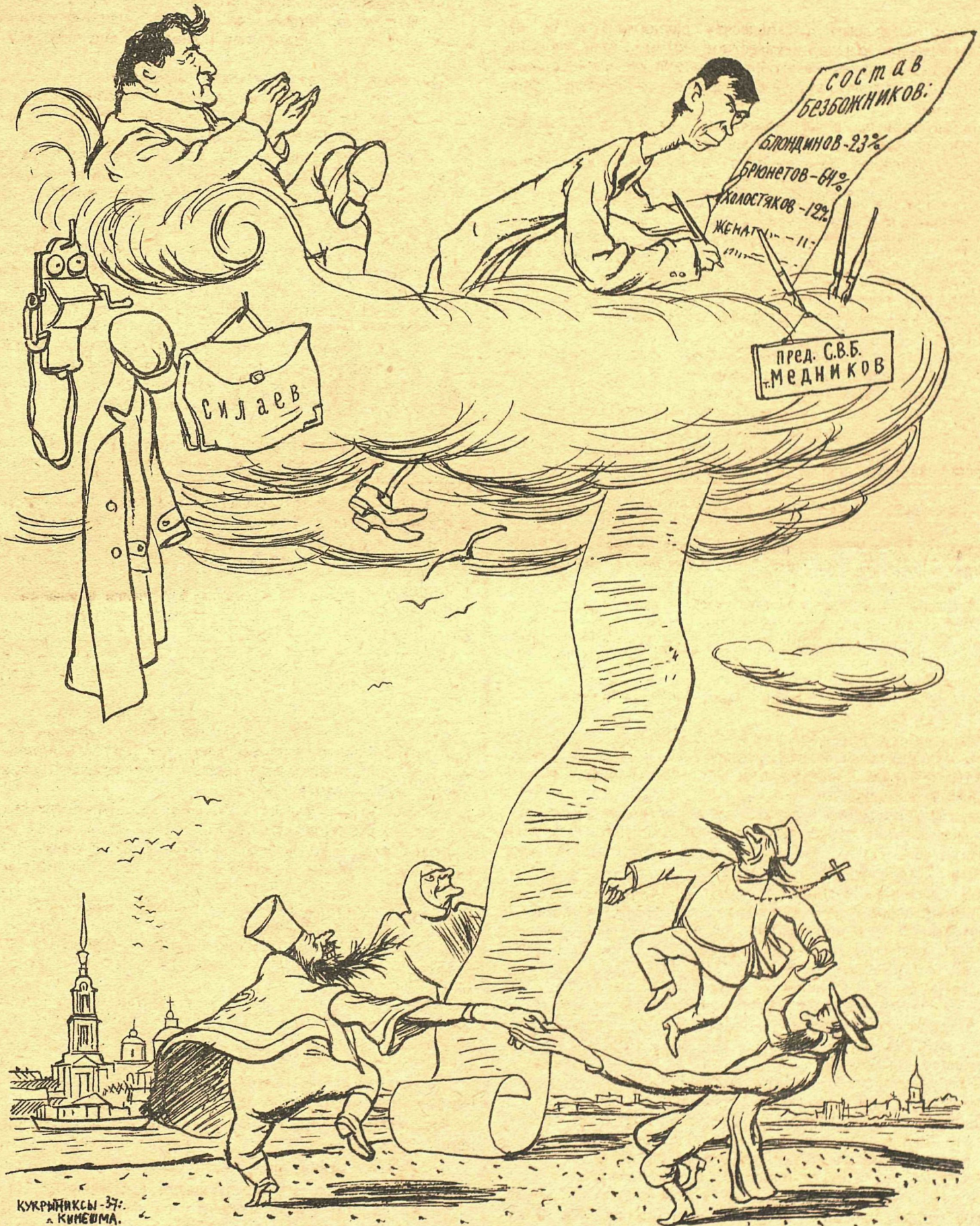
Сотрудники в ужасе завывали нестройным хором.

В. АРДОВ

ОНИ ОДОБРЯЮТ

Рис. Курыничсы (г. Кинешма)

В то время как попы и сектанты Кинешмы развивают бешеную деятельность, секретарь Кинешемского горкома партии Силаев одобрил очковирательский доклад председателя СВБ Медникова. Работы никакой не ведется.

КУРЫНИЧСЫ - 37:
г. КИНЕШМА.

В облаках и на земле.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

МЕДИЦИНА С МУЗЫКОЙ

Можно не беспокоиться насчет Владимировского района, Одесской области: дело здравоохранения находится там в крепких руках.

«Районный прокурор тов. Музыка, — сообщают нам из авторитетного источника, — отдал распоряжение: все рецепты отправлять ему для предварительной проверки, так как врачи могут, дескать, прописывать беременным женщинам лекарства для абортов. Прокурор при этом ссылается на то, что он окончил когда-то медицинский техникум и компетентен в вопросах медицины. Врачи отказались посылать свои рецепты на визу прокурору. И тогда сей энергичный блюститель законности организовал проверку рецептов... непосредственно в аптеке».

Легко себе представить, как происходит эта проверка.

ПРОКУРОР (торжествующе обнюхивая очередную рецепту). Ну, так и есть! Шесть порошков хины по ноль пять. Для аборта, ясно, для чего. А ну, вызовите сюда врача, который выписывал этот уголовный рецепт!

ВРАЧ. Помилуйте, тов. Музыка, для какого аборта? Ведь больной — мужчина!

ПРОКУРОР (раздраженно). Не учите меня жить. Я сам медицинский техникум окончил, я все знаю: ежели женщина захочет себе устроить незаконный аборт, она вам и мужчиной прикинется. Аннулирую этот подозрительный рецепт (Аннулирует.) А это что, каломель? Ну, да, конечно, знаем мы эти слабительные! (Аннулирует.) А это? (Аннулирует.) Больше пока рецептов нет?

Уходит, бодро напевая:

«Ни иод, ни каломель, ни хина
Не минет прокурорских рук.
Привет тебе, о медицина,
Гуманнейшая из наук!»

РАДИОНЕВЕЖДА

Одному не особенно образованному человеку его приятель рассказал такую волнующую историю:

— Еду это вчера по Маросейке семнадцатым номером трамвая и вдруг вижу в окне: по тротуару шагает Людвиг ван Бетховен.

Молодой человек возмутился:

— Брось врать! Глупости рассказываешь! Семнадцатый номер трамвая не ходит по Маросейке!..

Глубоко извинившись перед нашими читателями за этот старый анекдот. Но рассказали мы этот случай с Бетховеном на Маросейке только потому, что и в жизни иногда повторяются старые анекдоты.

Так например совсем недавно в Баку должен был передаваться по радио концерт граммофонной записи — пластинки Шаляпина и Собинова.

Заведующая отделом выпуска радиостудии Гафарли явилась на работу и, увидав программу передачи, написала в комендатуру, чтобы приезжих актеров Шаляпина и Собинова беспрепятственно пропустили в радиостудию, где они должны сегодня выступать.

Комендант возмутился невежеством заведующей отделом выпуска. Но пользы от его возмущения никакой, потому что означенная Гафарли — жена Никбина, а Никбин — председатель Азербайджанского радиокomiteта.

ДВИЖИМАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

Его фамилия Тания. Человек он взрослый. И работает председателем Дурипшского сельсовета в Абхазии.

В эту должность Тания вступил недавно. Но сразу приобрел громкую известность.

И все потому, что новый председатель Дурипшского сельсовета, отбросив в сторону всякие мелочи и пустяки, сразу занялся серьезным делом.

Тания прочел в газете, что за границей, а в последнее время и в Москве стали передвигать дома с одного места на другое. Недвижимое имущество становится подвижным.

И вот председатель решил опыта ради передвинуть новый дом сельсовета на другое место.

Тем более что для проведения этого важного мероприятия имелась серьезная причина. Рядом с сельсоветом помещается школа. А школьники во время перемен шумят. А Тания не любит шума. «Шум, — говорит он, — мешает мне думать. А я в служебное время обязан думать».

По распоряжению председателя дом был опоясан крепким стальным тросом. Концы троса прикреплены к двум мощным тракторам.

Дальше, как описывают очевидцы, произошло так:

— Марш!

Тания махнул платком.

Тракторы медленно двинулись. Трос натянулся и... дом хрустнул и развалился.

Был дом — и не стало дома. Был Тания председателем и пока остался председателем. И пока он на этом посту, сердце наше полно тревогой за судьбу домов в селе Дурипш.

Где они сейчас, мирные дурипшинские дома? Стоят ли они на своих местах? И не машет ли Тания платком? И не раздастся ли его суровая команда «Марш!»..

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

И Вы, уважаемый председатель Верховного суда РСФСР тов. Булат!

Не могу больше молчать: признание прямо так и рвется наружу. И вот, как это говорят, приношу повинную. Я, Шмигель, Андрей Иванович, проживающий в Керчи, на улице Розы Люксембург, 14, бухгалтер по профессии, действительно совершил преступление.

А началось, как это всегда бывает, с мелочи. Главсуд Крыма отказал в моей справедливой просьбе уплатить мне полностью всю сумму гонорара, которую я должен был получить как бухгалтер-эксперт по делу одного ратчика.

19 октября 1936 года я обратился с жалобой в Верховный суд РСФСР. Прошел месяц, два. Верхсуд безмолствовал. Наконец, через 75 дней, пришел ответ:

«По распоряжению заместителя председателя Верхсуда РСФСР, возвращая Ваше заявление, просим написать чернилами, так как написанное карандашом невозможно прочесть. Секретарь коллегии по уголовным делам Верхсуда РСФСР Эфрон».

И я понял тогда, какое тяжелое преступление совершил. Все стало ясно: я расхититель драгоценного рабочего времени работников Верхсуда. Подумать только! Сколько возни задал я им своей жалобой! 70 дней и 70 ночей пришлось им изучать мое заявление, чтобы разобрать, что оно, во-первых, написано карандашом, а во-вторых... неразборчиво.

Я решил искупить свою ужасную вину. Я написал второе заявление — даже не чернилами. Я с благоговением напечатал его на роскошной пишущей машинке и 4 января 1937 года послал председателю Верхсуда РСФСР заказным письмом.

Прошла зима, промелькнула весна. Верхсуд снова безмолствовал невзирая на мои напоминания. И тогда понял я, что нет мне прощения. Каюсь, граждане. И еще раз каюсь. Карандашом писал в первый раз! Вяжите меня, окаянного!

А. ШМИГЕЛЬ

Керчь.

Р. С. Получил сведения, что мою жалобу Верхсуд просто

потерял. Уважаемый товарищ председатель! Может, все-таки попробуют ваши работники еще где-нибудь поискать? Небольшая такая жалоба, в две-три странички. И, главное, так разборчиво написана, на хорошей машинке «Ундервуд». И в конце подпись: «А. Шмигель»

Дорогой Крокодил!

У нас в Уфе был генеральный план строительства большой Уфы и нет генерального плана большой Уфы. То есть он есть, но признан непригодным, как признана несостоятельной вся деятельность уфимского бюро Гипрогора. 6 января 1936 года уфимский горсовет этот план одобрил, а 31 мая 1937 года свое решение отменил. Но уфимцы могут утешиться тем, что планировки Стерлитамака и Ишимбаева также не существует. Зато возникает уголовное дело о вредительской работе архитектора Шибаева, который все эти планы составлял. Пока и на этом спасибо!

Э. ВОЛОВИЧ

Уфа

Дорогой Крокодил!

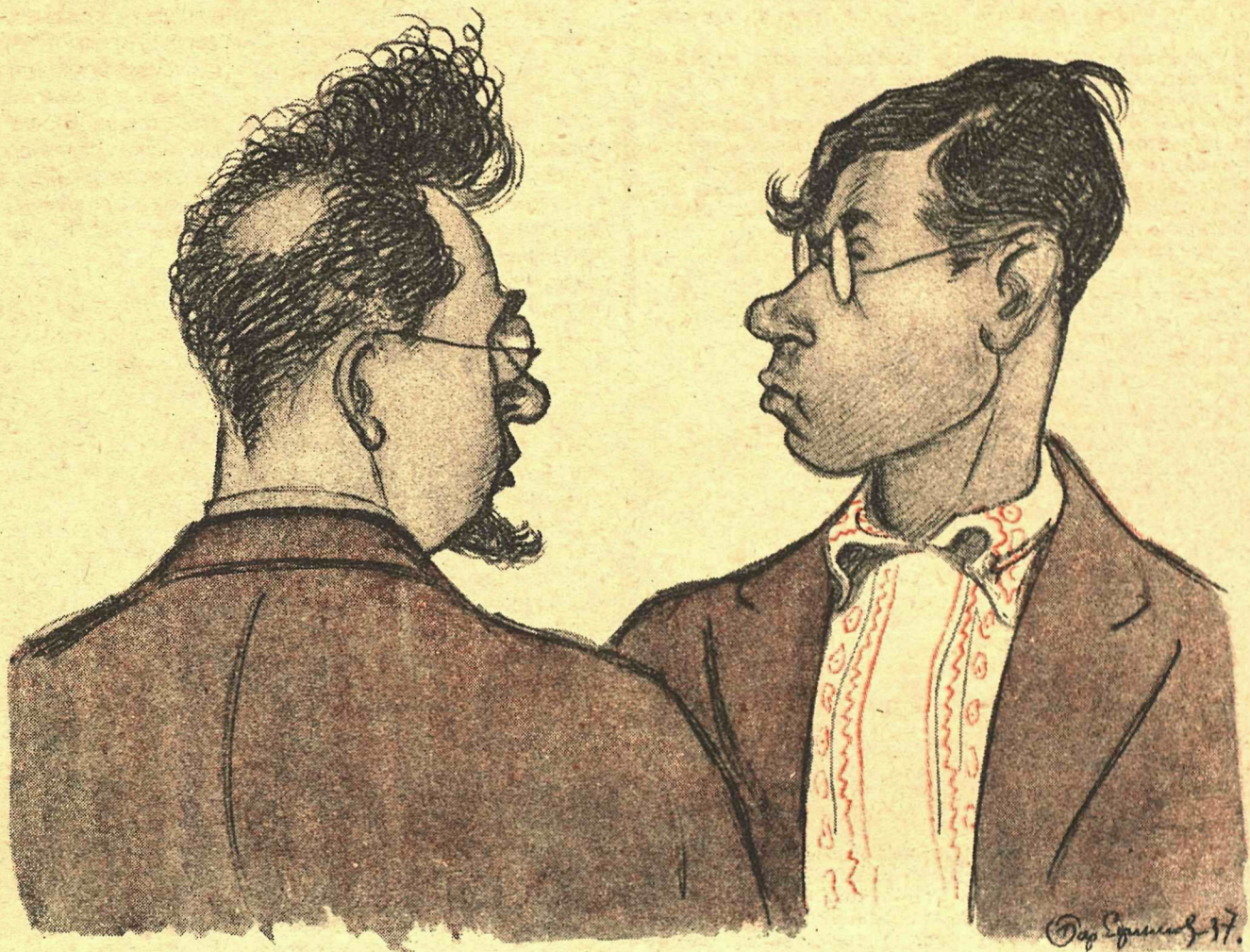
Конечно, в твоей практике бывало, что люди жаловались тебе на невнимание к ним со стороны суда. Я должен отметить обратный случай. Народный суд 1-го участка гор. Днепропетровска прислал мне повестку по моему делу с местной конторой «Леспромхоза». Судебное заседание назначалось на 26 апреля 1937 года. Вслед за этим я получил другую повестку, в которой было указано, что дело будет слушаться 5 апреля 1937 года. 28 апреля, зайдя в суд, я узнал, что дело мое слушалось 26 апреля (как было указано в первой повестке). Не успел я подать кассационную жалобу на решение от 26 апреля, вынесенное в отсутствие сторон, как вдруг узнаю, что и 5 апреля опять-таки в мое отсутствие слушалось мое дело. Теперь я боюсь заходить в суд, потому что, может быть, дело мое слушается ежедневно, а кассировать каждодневные приговоры мне очень хлопотно. Нельзя ли остановить этот поток юрисдикции по моему адресу?

Э. СМЕЛЯНСКИЙ.

Днепропетровск.

„ВОИНСТВУЮЩИЙ БЕЗБОЖНИК“

Рис. Бор. Ефимова

- Почему ты отказываешься от антирелигиозной работы в Ивановке?
- Очень уж село неудачное мне выпало. Там сектантов много!

Дорогой Крокодил!

Не так давно на станции Апатитовая Гора, Кировской железной дороги, произошло удивительное событие. Поздно вечером, когда радиоузел уже не работал, на квартире стахановца-горняка Николая Марченко сам собой заговорил громкоговоритель. Марченко ложился спать и, по обыкновению бережно обтирая пыль с репродуктора, сказал ему пару теплых слов как постоянному и уважаемому члену семейства:

— Спокойной ночи, друг мой.

— Я не твой, нет, я не твой! — закричал внезапно громкоговоритель.

— Здравствуйте пожалуйста, — удивился Марченко. — Как так не мой? Ведь я же получил тебя в премию от рудоуправления треста «Апатиты»!

— Алло, алло! — конфиденциально сказал громкоговоритель. — Слушайте! Во избе-

жание печальных заблуждений сообщается: все 75 репродукторов, выданных в виде премий стахановцам-горнякам рудника имени Кирова, внесены в инвентарную опись жилищно-коммунального отдела местного рудоуправления как его собственность.

— Но позвольте, это ж премии... По какому же праву их юридически отбирают обратно?!

— А это уж ты спроси у своего симпатичного начальства, — прохрипел громкоговоритель. — У директора рудника тов. Борушко спроси и у помощника его тов. Берлина...

И стахановцу Марченко — это я самый и есть — сразу опостылел этот репродуктор, так горячо любимый еще полчаса назад. Глаза бы мои на него не глядели!

Н. МАРЧЕНКО

Примечание. Самостоятельные высказывания

громкоговорителя, хотя и необъяснимые с научной точки зрения, с фактической подтверждаю.

Управляющий хозяйством 2-го участка жилищно-коммунального отдела рудоуправления В. ЕРШОВ.

Дорогой Крокодил!

Не могу отказать себе в удовольствии сообщить тебе следующее. У нас в Каменец-Подольске 29 и 30 апреля был сильный дождь. Вследствие этого местная река Смотрич вышла из берегов и стала затоплять окрестные дома. Жители этих домов уже ездили на лодках. 2 мая районный прокурор тов. Воробьев обратился к председателю Каменец-Подольского горсовета с

просьбой немедленно принять меры по переселению обитателей затопленных домов. Только 4-го числа зампред горсовета Деревянко распорядился поставить этот вопрос на президиуме горсовета 9 мая. Худо пришлось бы жителям затопленных домов, если бы надо было семь дней дожидаться решения горсовета. Но, по счастью, даже река не захотела связываться с такими бюрократами, и наводнение схлынуло четвертого мая. А что было бы, если бы река оказалась такой же несознательной, как товарищ Деревянко!

ЯКОВЛЕВ

Каменец-Подольск.

РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ ТОВАРИЩЕЙ, НАПРАВЛЯЮЩИХ В КРОКОДИЛ ИНТЕРЕСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ПЕЧАТИ, ЗАВЕРЯТЬ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РЕДАКЦИЯ НЕ СМОЖЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДАЖЕ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЕРИАЛ.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛЕ

Есть два варианта этой грустной истории.

Начнем с первого.

Панасюк, председатель сельсовета, томился от безделья. Он бродил по тихим улочкам села Нападовки и с тоской размышлял, куда бы применить свои силы и таланты?

Чем бы мир удивить? Что бы такое сотворить, чтобы о нем, о Панасюке, председателе Нападовского сельсовета, Липовецкого района, Винницкой области, гремела вся округа?

Человеку с таким горизонтом, человеку с такой просторной душой негоже, подобно другим председателям, обременять себя пустяками. Культурно-массовая работа, весенний сев, ремонт инвентаря — все это скучно и канительно.

Надо что-то такое необычайное выдумать... Изобрести такую кампанию, до которой своим простым умом не сможет дойти ни один руководитель сельсовета.

Вот, к примеру... Честное слово, это идея! Если серьезно подумать, так это — ненормальное явление, с которым надо бороться. Почему еще топчутся по земле люди, которые неженатые?

На каком таком основании? Ежели ты дошел до законом положенного возраста, то не имеешь полного права оставаться в холостых...

Поставим многоточие. И немедленно перейдем ко второму варианту.

Без второго варианта никак здесь не обойдешься. Все дальнейшие действия Панасюка настоятельно этого требуют.

В нашу душу закрадывается сомнение: а что ежели Панасюк не так глуп, как он выглядит? Иногда глупая маска вполне заменяет грим.

Человек упорно требует, чтоб его считали дураком, простофилей, шляпой. Но не преступником, не врагом.

Кто же такой Панасюк? Дурак или провокатор?

Не будем, читатель, навязывать вам своего мнения. Мы уверены в том, что вы сами придете к правильному выводу.

Итак, Панасюк решает:

— Оженить всех холостых во вверенном мне сельсовете!

Панасюк объясняет свое решение так:

НА КУРОРТЕ

Рис. Л. Генча

— Ужасно бестактный персонал в нашем санатории: всех без разбора называют больными...

— Председатель райисполкома товарищ Еремчук — весьма ответственное лицо в районе и все-таки женат. Я, Панасюк, весьма ответственное лицо на территории сельсовета, однакож от брака не уклонился. А какой-нибудь рядовой гражданин или обычная гражданка смеют существовать на холостом ходу! Безобразия! С этим давно пора покончить.

Панасюк пришел в сельсовет, затребовал к себе списки граждан мужского и женского пола, «в браке на сегодняшнее число не состоящих». Таких нежелательных элементов оказалось сорок человек.

Он тут же распорядился, кому на ком нужно в срочном и обязательном порядке жениться, и всем нареченным женихам и невестам разослал сле-

дующего рода распоряжение за свою подписью и с приложением печати:

«Гражданину (такому-то).

Гражданке (такой-то). Выше означенным гражданам Нападовки сельсовет предлагает оформить свою семейную жизнь в загсе...

За неоформление семейной жизни будете привлечены к ответственности».

Словом, Панасюк создавал людям счастье, даже против их воли. Но не поняли благих порывов Панасюка.

В местной районной газете вскоре появилось описание административных художеств председателя Нападовского

сельсовета. Немедленно всполошились в райисполкоме и постановили:

— Снять с работы Недзельского.

Недзельский — заместитель Панасюка. Вот его-то, заместителя, и снять за проделки председателя.

Панасюк отделался только выговором. Что, мол, с дурака взять? Тем более, что снимать его неудобно: он «свой человек» председателю райисполкома Еремчуку. И его, Панасюка, Еремчук, как особую драгоценность, привез с собой из другого района.

Так пусть пострадает Недзельский. А Панасюк, надо думать, изобретет что-нибудь новое, еще более сногшибательное.

Г. РЫКЛИН

ОБЪЯВЛЕНИЯ

НЕЧЕГО ЕЗДИТЬ В САНАТОРИИ!

Если врачи прописали вам месячный отпуск в абсолютно спокойной обстановке,

Если они запретили вам на это время интересоваться насущнейшими вопросами производства,

НЕ ТРАТЬТЕ ДЕНЬГИ НА САНАТОРИИ И ДОМА ОТДЫХА!

Посещайте вместо этого заседания актива Наркомлегпромов СССР и РСФСР и слушайте на них доклады руководителей Наркоматов и Главных управлений.

Только на этих докладах вы обретете спокойный и здоровый сон!

ПРОТИВ ОЖИРЕНИЯ И ТУЧНОСТИ

лучшее средство — ходить в городские и областные красноярские организации и безрезультатно жаловаться на безобразия, творимые в красноярском музыкальном училище директором училища Маргаликом и заведующей учебной частью Сокольской. Похудение гарантировано.

Туркменские названия аулсоветов на русские меняет по своему усмотрению при рассылке произведений печати

Ашхабадское городское бюро „Союзпечати“ под руководством КАЛУГИНА.

Имеется атестация из аула „ДРПА“, переименованного упомянутым горбюро в „ЯЧМЕНЬ“. С точки зрения перевода с туркменского языка на русский — правильно, а по существу — издевательство.

Телеграфный адрес: Ашхабад, великодержавному шовинисту.

ИЗ ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ

перепечатаваем для всеобщего сведения помещенное в номере от 14 мая газеты „Грозненский рабочий“ душераздирающее объявление:

„10 мая автомашина Чечингеспромсоюза, шедшая с мебелью из г. Орджоникидзе, **ПОТЕРЯЛА ОДИН БУФЕТ**

Нашедшего просим сообщить (за вознаграждение) по адресу: Грозный, ул. Крафта, 6, Чечингеспромсоюз“

Отдайте буфет, гражданин!

Не мучьте шофера Чечингеспромсоюза! Ему еще опохмеляться надо идти.

ЛУЧШЕ ГУЛЯТЬ ПЕШКОМ,

чем ежедневно таскать в починку велосипеда Харьковского велосипедного завода, неутомимо выпускающего бракованную и некомплектную продукцию.

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР,

беспрекословно выплачивающий по предложению президиума деньги на „лечение“ лицам, снятым с работы за связь с врагами народа,

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ

секретарю ЦК союза работников начальной и средней школы Мехоношиной.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ФИЛЬМ „НОВАЯ РОДИНА“

(сценарий Н. Погодина, режиссер С. Юткевич) к XX годовщине Великой пролетарской революции

ГОТОВ НЕ БУДЕТ по причинам, зависящим от Главного управления кинематографии и студии „Ленфильм“.

ХОРОШО ВЫПОЛНЕННЫЙ
ЗУБНОЙ ПРОТЕЗ
УКРАШАЕТ РОТ

Будьте осторожны, заказывая зубной протез в Ростовской зубопротезной лаборатории Горздрава. Требуйте, чтобы ваш заказ не выполняла бригада бракодела Спиридонова.

Редколлегия: МИХАИЛ КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РЕВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д-3-32-50; Д-3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц

Над-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 525

Сдача текста и рисунков 14/VI—37 г.

Подп. к печати 23/VI—37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—10792

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1247. Тираж 275 000

Рис. Ю. Гаффа

— Высокочтимый сэр! Слухи о пожаре, якобы нам грозящем, идут из абсолютно непроверенных источников!..

Союзная Книжная Палата

14 ИЮЛ 1937

АРХИВ

— Допуская мысль о наличии где-либо пламени, информирую вас, что ветер дует не в нашу сторону...

— Теоретически не отрицая возможность перемены ветра, указываю, что, будучи окруженным водой островом, мы...

ЮГ 37.